

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. В. Усягин

«Воронки» массовой коммуникации
в советской политической системе
1950-80-х гг.

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Usyagin_voronki.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

А. В. Усягин

«Воронки» массовой коммуникации в советской политической системе 1950-80-х гг.

Наши представления о характере распространения информации в советской политической системе зачастую излишне примитивны. Действительно, система официальных средств массовой информации выглядела довольно однообразно. На уровне центральных СМИ в нее входили:

1. Сеть «бумажных» СМИ (газет и журналов) разной ведомственной подчиненности, от ЦК КПСС до Комитета советских женщин или профсоюза работников жилищно-коммунального хозяйства. Все главные редакторы этих изданий подбирались в одном и том же органе – отделе пропаганды ЦК КПСС, а утверждались на Секретариате ЦК. Однообразие этих СМИ становилось особенно явственным в периоды важных официальных мероприятий (пленумов ЦК КПСС, съездов КПСС, сессий Верховного Совета СССР): публикуемые ими материалы оказывались почти идентичными.

2. «Электронные» СМИ, входившие в систему Гостелерадио СССР: телевидение и радиовещание. На большую часть страны телевидение вещало только на двух «кнопках», и между первыми двумя программами не было ощутимой разницы (как и конкуренции). Доходило до того, что фильмы или передачи, прошедшие вечером по первой программе, повторялись утром по второй, а информационная программа «Время» и вовсе шла одновременно по всем каналам. При этом речи первых лиц государства не могли подвергаться сокращениям, поэтому проведение важных официальных мероприятий, как правило, ломало всю сетку вещания. Почти то же самое можно сказать и про работу радиостанций.

Однако, если взглядеться повнимательнее, то палитра информации в СССР оказывается значительно богаче. Заметно отличалась по содержанию от всех других газет (по крайней мере, после преобразования в «толстую» в 1967 г.) «Литературная газета». Характерно, что необходимость такой «отдушины для интеллигенции» понимал даже И.В. Сталиным (в конце 1940-х гг.)¹.

Уже с 1950-х гг. все более заметным становилось и различие между журналами. Несмотря на наличие в СССР одного единственно верного учения и одной официальной идеологии, в рамках последней с течением времени выкристаллизовалось несколько направлений, таких, как либерально-западническое, ортодоксально-сталинистское, славянофильско-антисемитское. Разумеется, представители всех этих направлений декларировали верность марксистско-ленинскому учению, приводили в обоснование своих позиций соответствующие цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, и, тем не менее, исповедовали диаметрально противоположные взгляды. Характерным для общественной жизни 1960-80-х гг. феноменом была битва так называемых «литературных» журналов, знаменовавшая собой столкновение различных мировоззренческих направлений: западнического («Новый мир» А. Твардовского), сталинистского («Октябрь» В. Кочетова), антисемитского («Молодая гвардия» А. Иванова).

В этот период появляются новые творческие союзы: Союз журналистов (1959), Союз кинематографистов (1965); органы информации: Агентство печати «Новости» (1961). Группы интересов творческих работников формализовывались в новых журналах («Юность»), радиостанциях («Маяк»), кинематографических объединениях (Экспериментальное творческое объединение Мосфильма – ЭТО), театрах («Современник», Таганка).

Кроме того, читатели советского периода выработали в себе замечательное умение читать между строк, догадываясь о происходящих политических переменах по расстановке политических персонажей на трибуне мавзолея во время первомайского и ноябрьского парадов, по отсутствию кого-либо из членов Политбюро на официальных мероприятиях, по нюансам в политических речах. Например, А.Н. Косыгин все годы нахождения во главе правительства занимал третье место на трибуне мавзолея (после Л.И. Брежнева и М.А. Суслова). Поэтому, когда Н.А. Тихонов немедленно после назначения появился на втором месте, это закономерно было воспринято как признак его

¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: Политиздат, 1989.

значительно большего аппаратного веса. Попеременное исчезновение из СМИ летом-осенью 1982 г. Ю.В. Андропова и К.У. Черненко (когда на официальных мероприятиях они ни в коем случае не появлялись вместе) воспринималось как верный признак ожесточенной борьбы за власть.

Понятие «культ личности», впервые употребленное Г.М. Маленковым уже в марте 1953 г. без упоминания конкретной личности, было безошибочно отнесено к И.В. Сталину. Словосочетание «развитой социализм», произнесенное Л.И. Брежневым на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г., было немедленно воспринято как признание утопичности надежд на пришествие коммунизма. В свою очередь, введенный в оборот Ю.В. Андроповым термин «совершенствование развитого социализма» воспринимался как осознание недоразвитости и самого «развитого социализма». Примеры можно множить.

Неадекватные представления об уровне информированности в советской политической системе связаны и с тем, что понятие «средства массовой информации» смешивается с понятием «средства массовой коммуникации», которое, бесспорно, шире, и включает помимо официальных каналов распространения информации еще и неофициальные. Что к ним относится?

Во-первых, в СССР существовала хорошо налаженная система слухов. Слухи отличались очень высоким качеством, что в полной мере подтвердилось в период перестройки, когда многие из них были, как модно сейчас выражаться, «озвучены» средствами массовой информации. Правда, к этому можно добавить и то, что значительная часть слухов сознательно распускалась конкурентами в политической борьбе для дискредитации соперников (показателен в этой связи слух о свадьбе в Эрмитаже с разбитием антикварных предметов дочери Г.В. Романова — реального на конец 1970-х гг. претендента на власть в КПСС). К слухам примыкает и устное народное творчество (анекдоты, частушки и т.п.), которое давало точную, меткую трактовку политических процессов², подчас объясняя их суть не хуже традиционных источников информации.

Во-вторых, значительную часть информации высшее руководство страны вполне сознательно стремилось спускать вниз по неофициальным или полуофициальным каналам, то есть таким образом, чтобы до населения информацию довести, но в открытой печати ее не публиковать. К числу этих неофициальных и полуофициальных каналов следует отнести многоступенчатую сеть пропагандистов и лекторов, которая через

² См., напр.: Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М.: РОССПЭН, 1998.

систему семинаров и симпозиумов различного уровня доводила информацию до слушателя-потребителя «из уст в уста», причем делала это в принудительном порядке, поскольку избежать участия в политической учебы было весьма затруднительно.

Сюда же примыкала и система изданий закрытого типа. Многим памятно, в частности, «красные» и «синие» бюллетени ТАСС, публиковавшие информацию о внутривнутриполитических и внешнеполитических процессах, полученную из иностранных источников. Читать эти бюллетени разрешалось только в зданиях партийных комитетов, но распространять содержащуюся в них информацию не возбранялось.

Начиная с 1950-х гг., практиковалась система так называемых «закрытых писем ЦК КПСС». Их особенность состояла в том, что они зачитывались на партийных собраниях и только для членов партии, однако партийцы имели беспартийных родственников и знакомых, которым, разумеется, активно распространяли полученную информацию, и в итоге получателем информации становилось все население СССР. Именно через «закрытые письма», в частности, население было ознакомлено с подробностями секретного заседания XX съезда КПСС в феврале 1956 г. и октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС, отстранившего Н.С. Хрущева.

Власть по каким-то причинам была заинтересована именно в таком, непрямом прохождении информации. Помимо всего прочего, такой многоступенчатой системой передачи информации поддерживалась сакральность идеологических жрецов, «бойцов идеологического фронта»: они обладали сверхзнанием. Но это было отражением, в том числе, и политической борьбы, борьбы за власть.

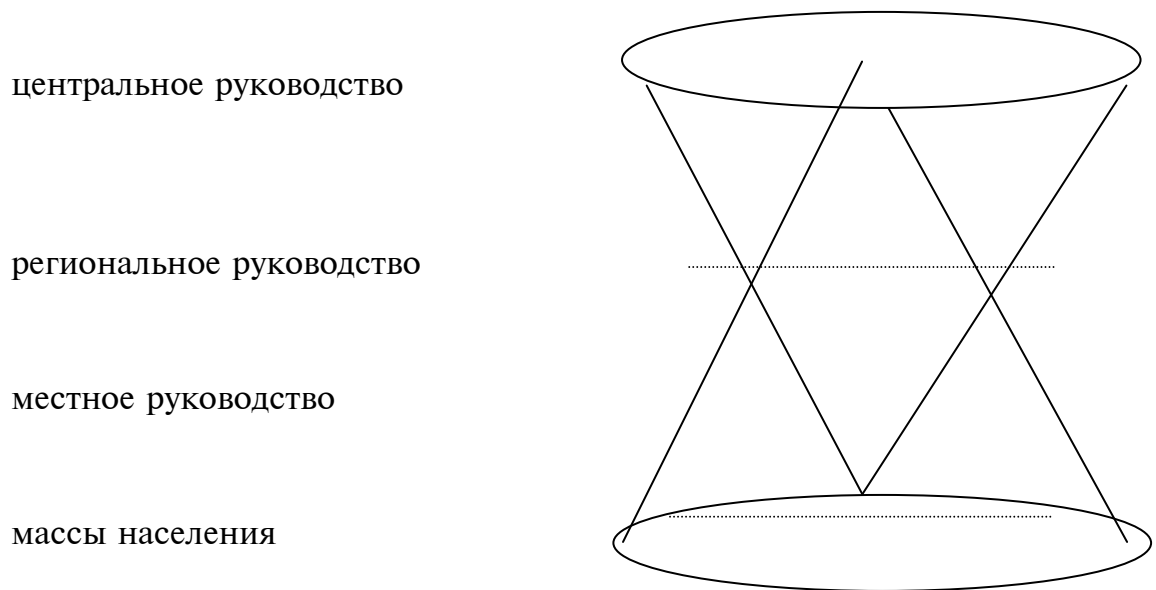
По словам Н.А. Косолапова, «с увеличением количества внутриэлитных групп интересов появилась и стала принимать более широкие масштабы практика апелляций их к общественному мнению, хотя и в специфических завуалированных формах. Эту функцию выполняли организовавшиеся в печати обсуждения некоторых вопросов экономики, социальной сферы, положения в регионах; партийно-хозяйственные активы всех уровней; всесоюзные отраслевые совещания, научно-практические конференции; даже высшие уровни партийной учебы. Главное, процессы информации и ее осмысления вырвались за тот первоначально чрезвычайно узкий круг людей, в котором они шли, и стали чем дальше, тем сильнее размывать, а потом и прямо подрывать информационную и интеллектуальную монополию этого круга. В ведомствах и регионах начала накапливаться собственная информация,

которой они все более скудно делились с партийным и государственным центром»³. Не случайно активность таких неформальных институтов коммуникации усиливается в периоды обострения внутриэлитных столкновений, междувластия («коллективного руководства»).

Таким образом, реальный процесс распространения информации в СССР значительно сложнее той картины, которая возникает при поверхностном взгляде, ограничивающемся официальной системой СМИ. Одним из парадоксов советского периода было то, что информированность общества о политических процессах была значительно выше, чем можно было бы ожидать. Точно так же, как, по известной советской формуле, «в магазинах ничего нет, в холодильниках всё есть», «в газетах ничего нет, в головах всё есть».

Как представляется, реальную систему распространения информации в СССР можно изобразить в виде двух пересекающихся воронок (см. рис. 1):

Рис. 1. Воронки коммуникации в советской политической системе 1950-1980-х годов.

Иначе говоря, высшее руководство страны, обладая максимальной полнотой информации о положении дел на высшем уровне политической системы, стремилось, спуская информацию о процессах, происходящих на центральном уровне, минимизировать и искажать ее по мере прохождения информации вниз. В то же время массы населения страны,

³ Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М.: Аспект Пресс, 1994. С.172.

обладая максимальной полнотой информации о положении дел в самом низу политической лестницы (то есть на первичном уровне: колхоз, цех, микрорайон, село, и т.д.) также стремились минимизировать и исказить информацию о подлинной сути происходящих у них событий по мере ее прохождения наверх. В итоге ни рядовой житель страны не мог в полной мере осознавать реальные политические процессы, ни, тем более, высшие политические руководители не знали о реальном положении дел на низовом уровне.

В наиболее выигрышном положении оказывались те, кто находился в середине управленческой вертикали, то есть деятели районного (городского) и, в какой-то степени, областного звеньев управления: они не в полной мере были оторваны от информации снизу и, в то же время, обладали некоей суммой знаний о происходящем наверху управленческой пирамиды. Не случайно, наверное, Л.И. Брежнев, находясь во главе государства, делился со своими помощниками соображениями о том, что лучше всего он себя чувствовал, будучи секретарем обкома (несмотря на то, что на обкомовском уровне он работал в очень тяжелые предвоенные и послевоенные годы): «И возможность сделать что-то больше, и в то же время можешь сам наглядно видеть и реальную обстановку, и результаты своей работы. Можешь регулярно бывать на заводах, в полях, общаться со многими людьми, чувствовать их настроение. А здесь, в Кремле, сидишь и видишь мир сквозь бумаги, которые кладут тебе на стол»⁴.

В этом смысле глава государства отгорожен от информации ничуть не менее, чем рядовой его житель, и находится во многом в плену у тех, кто докладывает (или не докладывает) ему информацию об истинном положении дел в стране. Как это ни парадоксально, те, кто оказывался в роли объектов политического управления, был в более выигрышном положении, поскольку действительная информированность через систему неформальных контактов у них была выше, чем у субъектов, принимавших управленческие решения.

Не случайно, например, во время августовского путча 1991 г. в числе главных заговорщиков оказались именно информаторы Президента СССР: заведующий Общим отделом ЦК В.И. Болдин (документооборот и посетители) и Председатель КГБ В.А. Крючков (секретная информация). Известна и информационная изоляция Президента России Б.Н. Ельцина, по крайней мере, в последние годы его правления (1996-99 гг.).

⁴ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 248.

Впрочем, как явствует из последних примеров, указанный порок распространения информации (или, скорее, ее дозирования) является характерным не только для советской политической системы.

Таким образом, на пути между поставщиком информации и ее получателем традиционно встаёт несколько фильтров, вызывающих информационные тромбы. Это находит своеобразное преломление во взаимоотношениях между руководителями и их собственным аппаратом. По крайней мере, приведенные выше примеры о последних периодах деятельности М.С. Горбачева или Б.Н. Ельцина наглядно показывают действенность известной бюрократической формулы о том, что принимает решения не тот, кто принимает решения, а тот, кто их готовит.

Это в свое время было продемонстрировано еще в знаменитой дихотомии М. Вебера «политик — чиновник», которая во многом покоится на представлении о том, что политики приходят и уходят, а чиновники остаются. Поэтому именно формально подчиненные политикам бюрократы способны за счет лучшей информированности навязать прохождение нужных им решений.

Недостаточная информированность мешает осознанию интересов (как элитных, так и неэлитных группировок) и, соответственно, удовлетворению этих интересов. Возникает зазор между интересами и поведением, вследствие которого группы начинают действовать вопреки своим подлинным интересам.

Как ни парадоксально, но советская система коммуникации и распространения информации имела даже некоторые преимущества по сравнению с западной. Так, присущее любой бюрократической иерархии искажение информации снизу вверх в значительной мере микшировалось очень характерной не только для советской, но и для традиционной российской политической культуры патронно-клиентельной системой, когда руководитель, поднимаясь по служебной лестнице, тянул за собой свою клиентелу, и, соответственно, приход нового лидера на тот или иной этаж управления означал одновременно и смену значительной части всего аппарата управления. При этом и лидер, и его аппарат оказывались в ситуации одинаковой информированности / неинформированности. Более того, бюрократ осознавал, что своим карьерным ростом он обязан не своим личным достоинствам, а покровительству патрона и его интересы, в силу этого, в значительной мере совпадали с интересами патрона.

Таким образом, анализируя структуру распространения информации в советской политической системе 1950-80-х гг., можно отметить ее следующие характерные особенности:

В ситуации, при которой центральная власть целенаправленно занималась как информированием, так и дезинформированием населения, поведение населения, его реакция на события в значительной степени моделировалась теми образами событий, которые создавались органами информации.

Однако «однотипность» официальных СМИ была только кажущейся, между ними шла напряженная латентная политическая борьба.

Неоднозначность распространения информации в СССР подчеркивается тем обстоятельством, что понятие СМК шире, чем понятие СМИ, и включает в себя также и неофициальные источники распространения информации.

При распространении информации действовал закон «воронки» коммуникаций, предполагающий минимизацию и искажение информации по мере ее прохождения как сверху вниз, так и снизу вверх.

Отмеченные выше «информационные тромбы» было бы некорректным связывать исключительно с тоталитарным типом режима либо особенностями российского менталитета. Любая бюрократическая система в процессе управления стремится не учитывать общественное мнение, секретить информацию (исходя из максимы о том, что «информация есть власть»). Следовательно, задача гражданского общества состоит в том, чтобы вернуть власть к управленческим принципам, заставить исполнять их. Именно в этом заключается важнейшая общественная роль политического управления.